

Георгий Дерлугьян

КАК УСТРОЕН ЭТОТ МИР

Наброски на макросоциологические темы

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Георгий Дерлугьян

**Как устроен этот мир. наброски
на макросоциологические темы**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2013

Дерлугьян Г. М.

Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы /
Г. М. Дерлугьян — «Институт экономической политики имени
Е.Т. Гайдара», 2013

Макросоциология занимается соединением в понятную и логически проверяемую картину ключевых точек на изменчивом и хаотичном ландшафте реальной истории человечества. Сегодня здесь продолжается работа на основном стволе классической теории, восходящей к аналитическому материализму (но не идеологиям) Адама Смита, Карла Маркса, Макса Вебера, Йозефа Шумпетера и Фернана Броделя. Профессор-консультант РАНХиГС при Президенте РФ и профессор Нью-Йоркского университета Георгий Дерлугьян рассказывает, как его наука ищет ответы на большие и интересные вопросы. Откуда в древней истории столько развалившихся «затерянных» цивилизаций, и зачем обитатели острова Пасхи воздвигали гигантские статуи? Почему капитализм прорвался на крайнем западе Евразии, а не в Арабском халифате? Как из партии большевиков выросла непредусмотренная самим Максом Вебером харизматическая бюрократия? Почему в результате ее эрозии правящей элитой России стала не либеральная интеллигенция, не директорский корпус и не класс частных капиталистов, а некая «суверенная бюрократия»? И, наконец, откуда берется сама наука?

© Дерлугьян Г. М., 2013

© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2013

Содержание

Предисловие	5
Часть I	8
Конец знакомого мира	8
Страсти по модерну	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Георгий Дерлугьян

Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы

Предисловие

Историческую макросоциологию – в массы!

ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ в этом сборнике статьи относятся к научно-популярному жанру. Популярны они по стилю и форме, т. е. писались в расчете на то, что образованный человек сможет читать их даже в метро, самолете или на ночь глядя. Это не публицистическая полемика и не обличение, равно как и не отвлеченная метафизика и не прикладная социология общественного мнения. Это именно научная популяризация, попытка ввести в широкий оборот фундаментальные теории последнего поколения, изобретенные для объяснения того, как возник, как устроен и как изменяется наш современный мир.

Существует и отечественная специфика причин, побудивших писать в доступной форме. Во-первых, это попытка противостоять порче научного языка, той усложненной и вычурной зауми, которая обычно считается признаком принадлежности к интеллектуальному сообществу. Положение дел усугубилось с появлением в последние годы массы скверных и попросту халтурных переводов с западных языков. А ведь еще довоенная (точнее, домассовая) научная классика читалась совсем иначе. Однако более серьезная причина, побуждающая объяснять доступно и интересно, кроется в самой тематике собранных здесь статей. Речь пойдет о становлении государств, возникновении классов и наций, противоречиях бюрократии и политического господства, истоках религиозных верований, о капитализме и кризисах, о социалистических движениях и революциях. Написал эти строки и сам невольно вздрогнул, потому что на память тут же приходят семинары по истмату, политэкономии и научному атеизму. Советская догма дискредитировала саму тематику, отчего в России, увы, бросили изучать пресловутое происхождение семьи, частной собственности и государства в тот самый момент, когда с распадом советского государственного сооружения расцвела роскошнейшая и актуальнейшая эмпирика. Хуже того, по излюбленному выражению Карла Маркса, мертвые цепко держат живых. Как писать о соотношении Запада, России и Востока, когда бывшие преподаватели научного коммунизма, ныне обернувшиеся культурологами, концептологами и конфликтологами, уже столько написали про это от всей своей уязвленной души? Что ж, остается наглядно показать, как можно писать совершенно иначе и на такие темы.

Имена основных теоретиков макроисторической науки достаточно известны специалистам – Фернан Бродель, Уильям МакНил, Чарльз Тилли, Джованни Арриги, братья Перри и Бенедикт Андерсоны, Рэндалл Коллинз, Майкл Манн, Иммануил Валлерстайн, Тимоти Эрл, Валери Бане, Джек Голдстоун. Все это значимые, но не самые знаменитые имена в социальной науке последних лет. Известность создают не концепции и теории, а их массовая аудитория, что в первую очередь зависит от политико-идеологических настроений и интеллектуальной моды. Оттого более известны Фрэнсис Фукуяма и Сэмюэл Хантингтон, вовремя предложившие американскому истеблишменту два соперничающих варианта реакции на внезапное исчезновение коммунизма и вознесение Америки; нобелевский лауреат Милтон Фридман, по-своему ответивший на запрос западных элит обосновать демонтаж послевоенных социал-демократических компромиссов перед лицом кризиса 1970-х гг. С другого фланга это Мишель Фуко, отразивший подавленные настроения леволиберальной интеллектуальной среды Парижа после всплеска эмоций 1968 года, и Славой Жижек, отчаянно борющийся с левой хандрой; либо

Юрген Хабермас или Сэр Энтони Гидденс, взявшиеся после 1989 г. за авторитетную апологию демократизации, глобализации и евроинтеграции. Что ж, таков социальный механизм возникновения интеллектуальных мод, который, в свою очередь, полезно изучать и понимать. Работает он на протяжении всего Нового времени, и потому цикл мод обладает определенной предсказуемостью. Например, философ и писатель Анри Бергсон при жизни был даже популярнее Фуко и уж точно куда более популярен, чем его современник Макс Вебер. Однако вопросы, поставленные Вебером, оказались интереснее для последующего развития науки в XX в. Главный и наиболее известный из моих научных наставников, Иммануил Валлерстайн, признает с неизменной усмешкой в усы, что некогда и сам очень вовремя вышел из моды и утратил шлейф культовых последователей.

Еще один из вдохновителей этих заметок, эволюционный палеонтолог и великий популяризатор науки Стивен Джей Гулд, элегантно-ернически заметил, что крупные ученые не склонны к ношению нимба умильной скромности. Они слишком умны, чтобы не понимать масштаба содеянного. Потому скажем без маскировки под скромность: в этом сборнике отражены не модные сегодня концепции от «Блюхера или милорда глупого», а теоретическое понимание человеческих обществ и исторических систем, чье время придет завтра. Объяснять эти идеи можно доступным языком именно потому, что они покоятся на мощном фундаменте доказательной и связной теории, способной обходиться без флера затуманенной риторики и многозначительных намеков. Это именно теории, которые можно проверять, достраивать, в которых, конечно, нужно искать пробелы и ошибки. Но, главное, подобно тому, как красивые самолеты хорошо летают, так и хорошую теорию можно изложить красиво.

И тут надо сказать несколько слов благодарности тем, кто меня, человека достаточно ленивого, побудили все это насочинять. Во-первых, это декан Фрэнк Саффорд, взявший меня на первую в жизни постоянную преподавательскую должность в один из университетов Чикаго. Техасец в четвертом поколении, раскачивавшийся в глубоком кресле, положив ноги на стол, Фрэнк приветствовал меня по-ковбойски выстрелом прямо в голову: «Хей, так это и есть тот валлерстайновский парень? Скажите, а вам самому где больше всего хотелось бы поправить Великого Мэнни?» Ей-богу, уже не вспомню, как я тогда в ужасе парировал, но Саффорд остался доволен, признав во мне *straightshooter*, прямолинейного стрелка. Завязалось *job interview* (собеседование о найме) в ритме перестрелки: «Откуда начнете преподавание всемирной истории? С Колумба? О, нет? С Месопотамии? Неужели с вымирания мамонтов? Отлично. Уверены, что потянете? Уложите в учебный год? И студенты от скуки не разбегутся? О'кей, добро пожаловать к нам в Чикаго!» Старина Фрэнк спрашивал все абсолютно по делу. Мне предстояло неделю за неделей удерживать внимание сотен американских студентов во время лекций, каким бы ни был материал. Это многому научило.

Во-вторых, наверное, я бы так и излагал все эти занимательные истории с теоретическим смыслом в своих лекциях на английском языке, если бы не дружеское редакторское понукание Алексея Панкина, с неизменно веселым упорством отстаивавшего мои тексты в цензурных комиссиях еще советских, а затем постсоветских времен, и не щедрость Павла Быкова из журнала «Эксперт», где в разные годы появлялись без сокращений многие из этих статей. Впрочем, как показал Рэндалл Коллинз, «эмоциональная энергия» (проще говоря, вдохновение) не приходит без читателей. И здесь мне, провинциалу не вполне русского происхождения, было особенно важно знать, что черновики мои читают и помогают вычитывать Наталья Белых в Нальчике, Эльза Гучинова в Ереване и Александр Фисун в Харькове.

Наконец, скажу спасибо, а также *мадлобт* Валериану Анашвили, великому интеллектуальному книгоиздателю постсоветских времен, который призвал меня собрать статьи под одной обложкой, обозначив сверхзадачу красивым словом «пропедевтика». Пришлось поглядеть в словаре. *Пропедевтика* – существительное, неодушевленное, женский род, 1-е склонение (тип склонения 3а по классификации А. Зализняка); введение в какую-либо науку или

искусство, вводный курс, предшествующий более глубокому изучению предмета. Что ж, вроде бы все так. Эта книга и есть занимательное введение в историческую макросоциологию с привязкой к нашему уголку миросистемы.

Часть I

Вдали: мир как историческая система

Конец знакомого мира

КРИЗИС¹. Но какой? Конец рейганомики и спекулятивных финансов 1980-х? Шумпетеровское «созидательное разрушение» устаревших монополий? Конец самой американской гегемонии, продолжавшейся почти столетие? А может быть, и подавно – смещение центров мировой цивилизации и геополитической мощи, 500 лет централизовавших всю миросистему вокруг западного ядра? Может статься, что все вышеназванное, притом одновременно.

Сигнальный кризис семидесятых

Начнем с ближайшей предыстории. В конце 1973 г. ОПЕК, дотоле малозначимый картель стран-экспортеров нефти, впятеро взвинтил цены на свою продукцию, с 3 до 15 тогдашних долларов за баррель, что спровоцировало на Западе экономический кризис. От ОПЕК такого никак не ожидали. Главенствовали в картеле вовсе не бешеные радикалы, наподобие ливийского полковника Каддафи, а консервативные аравийские монархии и шахский Иран плюс вполне тогда проамериканская Венесуэла. Эти клиенты США попросту решили немного перетянуть на себя одеяло, воспользовавшись предложением очередной войны с Израилем и замешательством хозяина в Вашингтоне.

Взбешенный президент Никсон, который заведомо не мог употребить силу на фоне поражения во Вьетнаме и Уотергейтского скандала, отправил к ближневосточным предателям хитроумного Киссинджера. Результатом, как считается, стала тайная сделка, которая в принципе спасала интересы США, хотя больно была по европейским союзникам, не говоря уже о большинстве стран Третьего мира. Вкратце, цены на нефть по-прежнему исчислялись только в долларах, которые весь мир должен был покупать у Америки, чтобы расплачиваться с ОПЕК, чьи сверхдоходы затем надлежало вкладывать в банки США. Впрочем, и без всякого тайного сговора иранский шах и арабские шейхи держали бы свои авуары в долларовых счетах, поскольку они не собирались лишиться военного покровительства США. Да и во что, как не в американские ценные бумаги, могли они вложить свои возросшие доходы? Такова сила гегемонии на практике – мировая власть, альтернативы которой не видно.

Тайная дипломатия Киссинджера в течение последующего десятилетия имела множасьщиеся непредвиденные последствия. К примеру, она подпитала неожиданными доходами инертный консерватизм брежневского правления и тем самым обрекла СССР на кризис отложенного действия. Увы, в этой беде наша страна оказалась далеко не одинока, хотя никто этого еще не понимал.

Образовавшаяся на финансовых рынках Запада горячая масса петродолларов искала хоть минимально доходного применения. При этом зрелые промышленные сектора развитых стран, в первую очередь самих США, к началу семидесятых уже столкнулись с проблемами сбыта – провозвестником грядущего структурного кризиса – и, соответственно, с понижением нормы прибыли в ранее флагманских отраслях. С этим столкнулись и некогда славное британское судостроение, и металлургия немецкого Рура, и сам автопром Детройта. Добавьте к «петродолларам» массу «евродолларов» и прочих экспортных долларов, которыми США в

¹ Написано в сентябре 2008 г.

1950-1960-е гг. щедро расплачивались за свои военные базы по всему миру и тем самым мощно субсидировали многочисленных союзников, особенно в период войн в Корее и во Вьетнаме. В 1974–1980 гг. американские банкиры буквально осаждали правительственные приемные по всему миру, предлагая весьма льготные займы. Брала многие и, теряя самоконтроль, брали много.

США пока еще являли типичный платежный баланс сверхдержавы. Актив во внешней торговле свидетельствовал о сохранении конкурентоспособности американской индустрии, а экспорт капитала и помощь союзникам обеспечивали сохранение мирового влияния традиционными способами. Кстати, СССР в этом смысле мало чем отличался от США до конца 1980-х гг.

Придумывалось два оправдания кредитной зависимости. Во-первых, многим режимам срочно требовалась наличность, чтобы откупиться от протестующих масс студентов, молодых специалистов и образованных рабочих, которые сформировались в период колоссального послевоенного бума. Всевозможные молодые «шестидесятники», оптимистично настроенные на постоянный рост, взбунтовались повсюду в 1968 г. В отличие от прежних крестьян и традиционных пролетариев, довольствовавшихся надежным куском хлеба и сильной «отечески-заботливой» властью, студенты и работники новой эпохи требовали привести устаревшие авторитарные структуры управления в соответствие с их потенциально ведущей ролью в новой научно-индустриальной экономике. Собственно, это интрига и Пражской весны 1968 г., и польской «Солидарности», и нашей перестройки. Но это же и центральная тема протестов итальянского, французского или японского левачества, латиноамериканских «герильерос», южнокорейских профсоюзов, индийских маоистов-наксалитов, да и китайских хунвэйбинов-красногвардейцев, которые раскачали коммунистическую бюрократию Поднебесной настолько, что «правоуклонистские» реформы Дэн Сяопина самой номенклатурой воспринимались как куда меньшее зло. И даже, если трезво задуматься, это молодые исламские фундаменталисты, своим мессианством и готовностью к террористическому самопожертвованию напоминающие русских народников.

Вторым соображением влезавших в долги правительств было поддержание высоких темпов индустриального роста и создание передовых секторов в надежде, что к моменту погашения кредитов новые источники доходов покроют долги. Именно так Египет, Бразилия и Югославия начали создавать собственные фармацевтику, электронику и автостроение. Никто еще не видел, что вскоре эти проекты, неизбежно перераставшие свои национальные рамки, столкнутся с протекционизмом Запада и жесткой конкуренцией со стороны восточноазиатских «тигров», вроде Тайваня и Южной Кореи, находящихся под особой геополитической опекой США.

Да и была ли катастрофа проектов ускоренного развития столь неизбежной? Сегодня никто уже не спорит, что националистические проекты автаркии (отключения от мирового империалистического хозяйства) и замещения импорта национальной продукцией к тому времени себя исчерпали. От индустриальной диктатуры опоры на собственные силы пора было переходить на некую новую, более гибкую и человечную модель развития. Именно в конце 1970-х гг. возникает перспектива перехода к экспортно-ориентированному промышленному росту. Для этого, однако, требовалось обеспечить новым индустриальным экономикам доступ на мировые рынки, без чего эти проекты просто бы захлебнулись.

Поэтому в конце 1970-х в повестке дня устойчиво возникают требования Нового мирового экономического порядка. По сути, это была первая попытка политической координации экономических требований на уровне всего тогдашнего Третьего мира, нечто вроде гигантски расширенного картеля ОПЕК, способного навязать странам Запада более выгодные условия мировой торговли. Целью было заставить развитые страны «Севера» поделиться рынками и технологиями – а не отделяться одной лишь помощью. Кроме того, страны «Юга» (как теперь стало принято выражаться) собирались сознательно стимулировать торговлю внутри

своего блока. Упрощенный пример: Бразилия по умеренной контролируемой цене поставляет в Анголу свою технику, взамен получая нефть, хлопок и другое сырье – также по устойчивым ценам, защищенным от крайних рыночных колебаний с тем, чтобы Ангола сохраняла платежеспособность. По мере усложнения технологической цепочки бразильская промышленная продукция выходит на мировой рынок, а Анголе передаются менее технологичные компоненты промышленного производства и (неприменно!) соответствующие каналы сбыта.

Утопия? А как тогда происходила индустриализация прежде хилых «тигров» Восточной Азии, куда с начала 1960-х передавались менее прибыльные звенья японских производственных цепочек с соответствующими экспортными навыками и связями? Конечно, огромную роль играли капиталы, сбытовые возможности и политическая воля США, исключительно заинтересованных в выживании и самоокупаемости своих антикоммунистических форпостов в Восточной Азии. Со своей стороны, правящие диктатуры Кореи, Сингапура, и Тайваня должны были суметь воспользоваться предоставленными возможностями. Но за этим следили извне и сверху, направляя в производство даже коррупционные доходы. И это обрело смысл для самих коррупционеров, потому что устойчивые экспортные доходы делали производство по крайней мере в более долгосрочном плане привлекательнее рисков сиюминутного казнокрадства. Сегодня подобное прагматичное, если не циничное, отношение к коррупции стало негласной политикой и в коммунистическом Китае: приворачивать позволительно только тем, кто при этом «ловит мышей».

Собственно, идея Нового мирового экономического порядка и заключалась в создании политических механизмов, способных воспроизвести для всех стран «Юга» то, что США (а также северная Европа по отношению к Испании, Португалии и Греции) некогда предлагали своим стратегическим клиентам по сугубо геополитическим соображениям холодной войны.

Но тут возникал структурный ограничитель самого размера мировой экономики. В XX в. элиты Запада согласились поделить доходы с собственным кадровым пролетариатом перед лицом совершенно реальной катастрофы мировых войн, фашистских завоеваний или коммунистических революций. Результат превзошел все ожидания. Западный пролетариат успокоился и стал ездить на собственных машинах за пособиями, тем самым продолжая потреблять даже в периоды безработицы, а страны советского блока столкнулись с совершенно для них невыносимым демонстрационным эффектом. Но одно дело поделить большей долей пирога с не таким уж и многочисленным, но централизованно расположенным (и, добавим, белым) населением Запада – и совсем иное дело делить пирог уже со всем (цветным) Третьим миром.

Впрочем, и задобренный пролетариат Запада к началу 1970-х оставался вполне лояльным к капитализму. Раздобревший пролетариат попросту хотел еще большего. В ходе потрясений 1968 г. для всех правительств было исключительно важно предотвратить смычку левых студентов и массы кадрового пролетариата. (Каким политическим кошмаром для властей могла обернуться такая интеллигентско-рабочая смычка, показала в 1981 г. польская «Солидарность».) Профсоюзы на Западе тогда покупались материальными предложениями сверх их собственных ожиданий. Это, конечно, обеспечивало социальное спокойствие, но и дальнейший рост запросов. И все это на фоне понижения норм прибыли в устаревающих промышленных секторах.

Вот почему вызванный ОПЕК рост сырьевых издержек спровоцировал в 1974–1975 гг. кризис, сломавший прежние компромиссы и приведший к деиндустриализации Запада. Промышленность выводилась из дорогих стран Запада в более дешевые страны Азии и Латинской Америки, а обезработивший западный пролетариат переводился на пособия и все более на кредитование своего потребления. Арриги называет этот кризис сигнальным, за которым последовало мощное восстановление нормы прибыли на основе спекулятивных финансов и одновременного снижения доли зарплат в национальном доходе. Однако подобное восстановление в принципе не могло быть более устойчивым, чем любая финансовая пирамида. Удивительно

не то, что карточный домик развалился в 2008 г., а скорее то, как долго он не разваливался. Все-таки у элит Запада был потрясающий опыт координации и ресурсы. Конечно, сильнее всего образом помог и нечаянный саморазвал коммунизма после 1989 г.

Глобализация

Впервые это модное слово возникло в 1984 г. в редакционном комментарии в «Wall Street Journal» по поводу решения кабинета Маргарет Тэтчер, открывавшего иностранным банкам прямой доступ на финансовый рынок лондонского Сити. Показательно, что до 1989 г. неологизм «глобализация» употреблялся только с прилагательным «финансовая».

После разгрома кадровых профсоюзов в некогда ведущих, но теперь низкоприбыльных отраслях уголедобычи и машиностроения, Тэтчер остро требовалось создать новый ведущий сектор. С распадом Британской империи Сити утратил было свое значение мирового денежного насоса, но теперь воспрял благодаря родовым связям с Америкой и близости к Европе. Ожил и Лондон, где резко выросли цены на недвижимость, скупаемую своими и пришлыми рыночными игроками. Тем временем некогда славные Глазго, Белфаст, Манчестер и Бристоль переживали повальное закрытие шахт, заводов и судоверфей с соответствующим букетом социальных патологий, от алкоголизма и распада семей до терроризма ирландского и мусульманского (пакистанцев в 1950-е гг. завезли в качестве «лимитчиков» для давно устаревших текстильных фабрик). Но дело было сделано – капиталы высвобождались из привязанного к конкретной стране и местности материального сектора и утекали в глобальные финансы.

Утекали – куда? Финансы – вещь эфемерная, подвижная и по натуре космополитичная. Однако оставим разговоры о наступлении постиндустриальной эпохи, сетевого общества, гибридации и глобализации. Это все модные публицистические поделки, которые хорошо продавались в те годы – но убейте, если они означали что-то вразумительное. Посмотрим лучше, как можно реконструировать логику процессов, не прибегая к западным неологизмам бизнес-футуризма.

Вот что показывают изыскания моей чикагской коллеги Моника Прасад, проработавшей тысячи страниц документов западных банков и центров политических разработок (почти все это ныне доступно в Интернете). В 1979 г. президент США Джими Картер под угрозой поражения на выборах призвал своих экономистов сделать хоть что-нибудь для обуздания экономического кризиса. Новый глава американского центробанка Пол Волкер предложил тогда отчаянные меры, не использовавшиеся с 1920-х гг. Это было почти как в стародавние времена – пустить пациенту кровь, коль скоро все современные антибиотики перестали работать.

К тому времени кризис на Западе продолжался уже десятилетие, с никсоновской вынужденной девальвации доллара 1971 г. и формальной отмены Бреттонвудской системы международных финансов, которая после 1945 г. служила барьером против повторения великих депрессий. Правительства западных стран вкачивали ликвидность в свои экономики в надежде на повторение кейнсианского эффекта мультипликатора, который так выручал их со времен Великой депрессии и послевоенного восстановления. Попросту говоря, и капиталистам, и рабочим разными способами раздавались деньги в расчете на стимуляцию потребительского спроса и технического переоснащения. Но на сей раз почему-то деньги вызывали только инфляцию вкупе с деловым застоем (стагнацией), что в конце кризисных семидесятых называли модным словечком «стагфляция».

Капиталисты попросту боялись инвестировать в производство в ситуации, когда будущие прибыли оказались под угрозой одновременно дальнейших профсоюзных требований и новоявленных конкурентов из развивающихся стран. У всех на глазах был легендарный, помпезный, хромированно-крылатый «бьюик» образца 1960-х, поникший вначале перед дешевенькими, но вполне пригодными японскими «тойотами», к которым вскоре добави-

лись бразильские лицензионные «фольксвагены-жуки», а теперь еще и угловатые, зато вовсе дешевые югославские «юго» (имитация «фиата», была и такая марка сербского механо-сборочного завода «Црвена Застава», или «Красное знамя») и убогие поначалу корейские «хёндэ» («Hyundai», что в переводе гордо значило «прогресс»).

Американский финансовый чародей Пол Волкер, как показывают документы тех лет, жал кнопки практически вслепую. Конечно, в идейном поле уже набирала обороты новая монетаристская ортодоксия Милтона Фридмана. Он давно проповедовал в пользу рыночной благодати, да только в период кейнсианской ортодоксии 1950–1960-х гг. Фридман считался чудиком и едва ли не фанатиком правого радикализма. (Отдельная поучительно забавная история, как влиятельные сторонники добились вручения Фридману Нобелевской премии 1976 г., впоследствии используемой для легитимации всей монетаристской школы.) Годы стагфляции сделали прежде эксцентричные идеи Фридмана актуальной идейно-политической альтернативой. Однако конкретные шаги предстояло делать все-таки политикам, которые, как обычно, действовали по сиюминутной оппортунистической интуиции, а вовсе не по идеологическому плану.

В 1979 г. Волкер резко поднял ставки по кредитам. Расчет был сделан на ускорение вяло-текущего кризиса, чтобы выжившие сильнейшие перехватили активы и рыночные сектора у старых и немощных и поскорее запустили следующий подъем. Суевликий президент Картер не успел воспользоваться лаврами. Они после выборов 1980 г. достались артистическому мастеру консервативного пиара Рейгану – и сохранившему свой пост Полу Волкеру.

Волкер, как теперь доказано документально, совершенно не предвидел размаха и дальнейших последствий – а также мировой цены – своего успеха. Его расчет был сделан на внутренние процессы в экономике США и, конечно, на то, чтобы помочь переизбраться шефу, т. е. Джимми Картеру. Повышение ставок должно было стимулировать приток капитала в Америку, что позволяло профинансировать дефицит баланса текущих операций за счет временных, как тогда казалось, займов и дефицита платежного баланса. Однако в силу размера своей территории и особого положения в мировых делах США, в отличие от множества прочих стран-должников, возникших на рубеже 1980-х гг., еще долго – вплоть до сегодняшнего дня – могли избегать болезненной структурной перестройки. Мыслимо ли, чтобы МВФ (сам расположенный в центре Вашингтона) мог потребовать от Америки сокращения импорта и увеличения экспорта ради выплаты долгов? И уж тем более урезания бюджетных расходов на Пентагон с пенсиями его многомиллионному легиону ветеранов, на готовых взорваться негров и исправно голосующих на всех выборах патриотичных и религиозных американских старичков? Америка – не Аргентина и не Испания. Вот вам еще одно фундаментальное преимущество гегемонии.

Меры Волкера, таким образом, виделись паллиативом, призванным помочь президенту Картеру избраться на второй срок, временной мерой (пусть «шоковой», но старательно щадящей своих), а вовсе не эпохальным переворотом на мировых рынках. Результат, однако, превзошел ожидания. Вопреки всем левым, да и правым, теориям, в «центр империализма» со всего мира хлынули потоки сбережений, инвестиций и спекулятивных денег. Из экспортера капитала США стремительно превращались в импортера, из мирового кредитора – в крупнейшего должника. Рейган и Волкер если и были озадачены таким поворотом, то вовсе ему не противились.

После шока начала 1980-х гг. экономика США вступила в длительный период процветания, по крайней мере для инвесторов и политиков, которым больше не требовалось решать бюджетные головоломки. Рейган получил средства и на «пушки» (колоссальные ассигнования на техническое и психологическое перевооружение новой профессиональной армии после поражения во Вьетнаме), и на «масло», которое теперь, впрочем, доставалось верхним и верхне-средним слоям общества, расположенным в социальной структуре ближе к финансо-

вым потокам и процессу отбора кандидатов на выборах. Мировая власть с лихвой вернулась к элитам США.

Ломка климата

Политический климат миросистемы менялся кардинально. Новые левые движения, еще недавно сотрясавшие устои западного общества, распались столь же быстро и бесславно, как и их непризнанные собратья, советские диссиденты и демократы после 1991 г. При всем порыве эти силы не разработали никакой позитивной программы. Солидные профсоюзы, приученные к легким деньгам без забастовок, теперь оказались один на один с ожесточившимся менеджментом, всегда готовым перенести производство в Мексику или Корею. Когда забастовки все же случались, ответ властей теперь мог быть почти так же суров, как в далеком XIX в. Президент Рейган начал с показательного разгона элитного профсоюза авиадиспетчеров, которых попросту заменили в аэропортах военными профессионалами, пока набирали и готовили менее требовательную замену.

В 1980-х гг. на первый план выдвигается другая стратегия. Капитал, прежде всего американский, уходит из скованного национальными рамками производства в глобальные финансовые спекуляции, ломая прежние политические барьеры и механизмы регулирования. Если легендарные капитаны американского бизнеса первой половины XX в. выступали организаторами производства (Карнеги, Форд, Рокфеллер, даже Дисней), то героями новой эпохи становятся финансовые игроки – Трамп, Баффет, Сорос. Их первое очевидное преимущество в том, что биржи лишь опосредованно связаны с производственными цепочками, так что не побастуешь. Но куда большее преимущество в том, что капитал в финансовой форме крайне мобилен, адаптабелен и всеяден. Развитие электроники дало ему возможность буквально в секунды перемещаться из сектора в сектор, из страны в страну. Оставалось только поломать и снести препятствия для глобализации финансов.

В 1979–1982 гг. Третий мир в целом откатился в мировой иерархии доходов на душу населения на позиции колониального периода. Структурно удар долгового кризиса был сопоставим с Великой депрессией, если не хуже. Захлебнулись национальные проекты промышленного роста, финансирувавшиеся за счет дешевых кредитов 1970-х гг., а с ними и разговоры о Новом экономическом порядке. Правительства выстраивались в очередь за спасательными кредитами МВФ, которые теперь обставлялись монетаристскими требованиями жесткой экономики, ликвидации субсидий и защитительных барьеров. Это открывало для сильнейших финансовых игроков мира все больше рынков и доступ к ныне бросовым активам обанкротившихся госсекторов. Слом границ и барьеров, собственно, и был основным процессом глобализации.

Вскоре в той или иной форме добавились требования либеральной демократизации и приведения государственных институтов в соответствие с американскими нормами ведения бизнеса и политики. Это понижало риски вхождения на новые рынки (налоговой экспроприации и некогда весьма модной национализации) и попросту делало весь мир узнаваемо своим для американского инвестора. Теперь американский командировочный коммивояжер мог практически в любой столице планеты остановиться в знакомом отеле «Мариотт» или «Хилтон», назначить встречу в «Старбаксе», сходить в знакомый спортзал и, главное, провести операции через знакомые банки. Всевозможные местные диктатуры развития, утратившие уверенность и средства к осуществлению власти, вдруг шли на переговоры и пакты с оппозицией. В Латинской Америке, как всегда, доходило до крайностей, когда хунты едва ли не из тюрем и ссылки приводили оппонентов порулить разваливающейся страной. Так президентом Бразилии стал некогда известный леворадикальный социолог Энрике Кардозу, сделавшийся на новом посту таким же убежденным неолибералом.

Фидель Кастро призвал было к забастовке стран-должников, чтобы спасти идею политического блока Третьего мира и совместно продолжать добиваться пересмотра мировой финансовой системы. Как это часто бывает с забастовками, организовать коллективное действие всегда труднее, чем его подавить. Вернее, протесты «Юга» утратили саму перспективу успеха перед лицом гигантской финансовой воронки, в которую превращались США. В течение следующего десятилетия США регулярно поглощали около двух третей, т. е. истинно львиную долю прироста мирового инвестиционного капитала. Вот это гегемония на деле! Худо пришлось всем прочим мелким и даже не столь мелким бесам. Если раньше какой-нибудь Сьерра-Леоне доставались хоть крохи, то теперь в привлечении капитала приходилось конкурировать с самой Америкой, чьи финансовые инструменты давали инвесторам устойчиво высокий доход при минимальных рисках.

В распаде Югославии повелось винить этнические конфликты. Забывается при этом, что с 1980 по 1990 г. реальные зарплаты в некогда единой стране упали втрое на фоне раскручивающейся гиперинфляции. Передовые промышленные отрасли, вроде того же сербского автопрома и хорватской тонкой химии, на которые ранее возлагались такие надежды, оказались в коме под давлением резко вздорожавших кредитов и таких неожиданных конкурентов на авторынке, как Южная Корея. Видя страшный поворот в судьбе румынского диктатора Чаушеску, сербский номенклатурщик Слободан Милошевич, в молодости не чуждый западнического плебейства, резко поворачивает к национализму. Вот тут Милошевичу и пригодилось пробудить глубоко травмированную историческую память сербского народа. Наверное, не случайно и то, что среди основателей Аль-Каиды было столько египетских «технарей», перенесших распад своих отраслей – и нашедших выход своему отчаянию в программе борьбы бывшего саудовского автодорожника (а никак не богослова) Осамы бен Ладена.

В СССР тогда не осознали происходящего в Третьем мире. У нас готовили асимметричный ответ на «Звездные войны» Рейгана, а экономические беды Югославии воспринимали едва ли не злорадно – доигрались, мол, со своим социалистическим рынком и самоуправлением. Ведь по сути советская Россия была одним из первых и крупнейших образцов диктатуры развития, успешно вышедшей на уровень индустриализации середины XX в., но там же и застрявшей. Отметалось предположение, что СССР по структуре импорта/экспорта приближался к Третьему миру и мог бы угодить в долговую ловушку. Остается гадать, насколько удалась бы перестройка при высоких ценах на нефть. Фактом остается то, что спад мирового производства и смещение инвестиционных приоритетов американского капитала (но едва ли злая воля антикоммунистов, у которых не могло быть такого дара предвидения) привели к длительному падению цен на сырье, включая нефть, в самый неподходящий для Горбачева момент. Распад СССР убирал последнее крупное препятствие на пути американской финансовой глобализации. Или так всем казалось в 1990-е гг.

Пробуждение Азии

«Молодые центристы» Клинтон и Блэр, сменившие жестких стариков Рейгана и Тэтчер, имели значение косметическое. Это были выходцы из левых (все-таки лейбористы были некогда социалистической партией, Билл Клинтон успел немного попротестовать в 1968 г., а Йошка Фишер даже подраться со своей западногерманской полицией). Бывшие левые, придя к управлению капиталистическими комплексами Запада, стремились поставить доставшуюся им глобализацию на более устойчивую основу многосторонних договоренностей между победителями и проигравшими предшествующего десятилетия. Что случилось в лихие для Запада семидесятые, теперь, в благополучные девяностые, прагматично было признано неизбежным, зато в дне сегодняшнем (т. е. девяностых) на всех направлениях предлагалось расплывчатое «сотрудничество в поиске решений», а в будущем обещалось всеобщее воссоединение в новом

технологичном, динамичном, толерантном, открытом и мультикультурном глобальном социуме. Риторика глобализации в годы Клинтона достигает своего пика.

Одновременно возникает колоссальный финансовый пузырь, который триумфально провозглашается бумом «Новой предпринимательской экономики» без спадов и рисков. Многоцветье факторов тут как всегда запутано до предела. Но в целом понятно, что средства, высвободившиеся из государственных банкротств по всему миру, должны были куда-то притекать. Ведь оффшорные банки предлагают анонимность, но не обязательно высокую доходность. Поэтому капиталы, бегущие вместе с завладевшими ими анонимными бенефициантами от политических и криминальных рисков, должны не только скрываться, но и по непреложной логике капитализма литься на какую-то прибыльную мельницу. И что в девяностые годы могло быть привлекательнее емких, открытых и вполне безопасных рынков недвижимости и финансов Нью-Йорка или Лондона? Неизбежно, это была финансовая пирамида. Но особого свойства: ее подпирали США всей своей суверенной мощью и прежним авторитетом.

Американские элиты вели себя подобно предводителю дворянства, который смело занимает у своих клиентов, а те покорно ссужают поиздержавшемуся генералу, который по-прежнему оказывает протекцию просителям, является на все свадьбы – и продолжает азартно играть на скачках.

Клинтоновская конъюнктура воспроизвела на новом историческом витке «белль эпок» 1880–1910 гг., золотую осень британской гегемонии. Неудержимая индустриализация кайзеровской Германии и воссоединенной в гражданской войне Америки тогда неуклонно лишали Британию монопольного положения «мастерской мира». Однако Британия еще оставалась «владычицей морей», а лондонский Сити превратился в мировую клиринговую контору, где искали инвестиционных капиталов как полупериферийные Аргентина и царская Россия, так и только начавшие пробиваться в ядро миросистемы Япония и Италия, и даже соперничающая Германия, но более всех – Америка, страна континентального размаха с бесконечными инвестиционными возможностями. Одних железных дорог сколько предстояло построить! В основе имперского величия, будь то древний Рим, Британия Викторианской эпохи или вдруг полюбоившая себя с ними сравнивать Америка начала 2000-х, всегда лежит вооруженное принуждение. «Позвольте и мне, уроженцу Индии, сказать пару слов о британском владычестве», – так начинается Вивек Чиббер свою беспощадно ерническую и умную рецензию на недавний бестселлер Нила Фергюссона с прозрачным названием «Империя: уроки британского миропорядка для глобальной державы».

Не все в истории повторимо. Британская империя, конечно, была колониальной. Американская глобальная империя опирается на иерархию формально самостоятельных стран, удерживаемых в приемлемом для гегемона состоянии разнообразными механизмами «общих ценностей», торговых договоров, финансовых институтов и не в последнюю очередь военных баз. Британцы напрямую взимали дань с Индии, которая в колониальные времена имела положительное торговое сальдо со всем миром, кроме метрополии – результат установленного Лондоном обменного курса фунта к индийской рупии. Основы владычества США куда более впечатляющие. Гегемония доллара и финансовых институтов США до сих пор обеспечивали глобальный сбор ренты без грубого и явного принуждения, а объективно, в силу сложившейся архитектуры миросистемы. Просто всему миру приходилось, в силу «объективных реалий», покупать доллары. И все-таки любая сложная система изменчива. Основы власти постоянно требуют ремонта и поддержания. Появляется, скажем, евро. Его пока довольно легко сдерживать – Евросоюз вроде бы давно свыкся со своим комфортным второстепенным положением привилегированной опеки. Но как быть с Китаем?

Китай оказался самым непредвиденным последствием политики глобализации. Начиналось просто. Вывод трудоемких индустрий из стран ядра миросистемы означал поиск новых производительных баз где-то на периферии. В 1970-х – 1980-х гг. это приводило к кратко-

срочным подъемам то в Бразилии, то в Индонезии, что тут же провозглашали экономическим чудом. Глобальная рыночная интеграция КНР вначале воспринималась американскими элитами как маневр в противостоянии СССР и Вьетнаму, снисхождение к бывшему противнику, затем как удачное сочетание инвестиционных возможностей и, наконец, как вопиющее подтверждение рыночной идеологии.

Страх перед разбуженным азиатским великаном возникает в Америке только к концу 1990-х гг., когда выяснилось, что баснословные долги США скупает прежде всего Китай. Америке предложили сделку, от которой она не могла отказаться. Все еще бедная, но беспрецедентно быстро растущая и вдобавок, конечно, великая азиатская страна финансировала потребление намного более богатого общества, которое по ходу и стараниями прежде всего собственных хитроумных менеджеров быстро теряло основы своего индустриального производства. Продолжение гигантской индустриализации Китая требовало поддержания где-то в мире столь же гигантского спроса. Китай стал ссужать Америку, чтобы поддержать американский уровень потребления. Ситуация неслыханная и оттого трудно поддающаяся прогнозированию.

Конечно, экономические историки понимали, насколько средневековый Китай опережал остальной мир в развитии рынков. Китайцы изобретали бумажные деньги и брендрование сортов чая, когда Европа отправлялась в Крестовые походы и жгла еретиков. У китайцев сохранились семейные фирмы, чьи традиции насчитывают несколько столетий. (Кстати, самый старый из ныне действующих банков в мире – вовсе не западный, а японский «Сумитомо», начинавший более чем четыреста лет назад с императорской монополии на поставку риса и рисовой водки сакэ для постоя прирученных самураев в имперской столице Эдо, т. е. Токио.) Еще в самом начале семидесятых годов британский неомарксист Перри Андерсон (кстати, сын британского губернатора концессий в Шанхае) показал, что структурно японский феодализм ближе всего к феодализму Запада. Неовеберианец Рэндалл Коллинз (способный, похоже, создавать оригинальные теории абсолютно на все случаи) поправил самого Макса Вебера, показав, что сам по себе дух протестантизма мало что значил. Но зато монашеская организация буддизма имела такие же непредвиденно инновационные экономические последствия, как и монашеская организация западного христианства. (Монахи ведь не только молились, но и писали иконки и рукописи на продажу мирянам, строили сложные водяные мельницы, совершенствовали варение пива или чаев, выводили новые сельскохозяйственные сорта и породы, даже собак, вроде сенбернаров и лхаса апсо.) Наконец, «калифорнийская школа» исторических социологов – Кен Померанц, Бин Вонг, Джек Голдстоун – тщательно вычислили, что хозяйственный и даже технический потенциал дельты Желтой реки вплоть до 1800 г. не уступал Англии того же периода. Да только кто слушал историков и социологов?

Если почитать Фернана Броделя или Джанет Абу-Лугод, то можно также узнать нечто поразительное и, вероятно, актуальное также об Индии, куда некогда ходил тверской «челнок» Афанасий Никитин. Стоит пристально следить и за былыми центрами исламской коммерции, Ираном и Египтом. Какими рынками и ремесленниками некогда славились Исфахан и Фустат (ныне Каир)! Дело ученых – объяснить, как именно сохранились стародавние экономические традиции этих регионов, которые Бродель называл великими «колесами торговли». Но факт, что эти традиции где-то подспудно сохранялись и в течение веков колониального владычества Запада. Теперь древние колеса приходят в движение. И образованные люди там хорошо помнят свою историю – как славные, так и бесславные века европейского господства. Уж не окажется ли господство Запада лишь историческим эпизодом?

Этой грандиозной картине никак не противоречит и то, что Китай, Индия и прочие страны теперь уже бывшего Третьего мира в 1950-е – 1960-е гг. заложили основы своего подъема: современные государственные институты, инфраструктуру, образование. Им не удалось сделать рывок, намечавшийся в 1970 гг. Вмешалась катастрофическая для большинства Тре-

тьего мира финансовая конъюнктура американской глобализации, которая ударила по их слабым местам и прервала (конечно, за исключением Китая) намечавшийся было в 1970-е гг. переход Третьего мира от импортозамещения к экспортной индустриализации. Но означает ли это, что новый рывок не произойдет?

Для объяснения американского вторжения в Ирак придумано много всяких теорий. Большинство из них слишком мелкие и слишком заговорщические. Конечно, кое-где существовал и корыстный интерес «Халлибертона» Дика Чейни, и республиканским политтехнологам хотелось ущучить на выборах сладкоречивых демократов по выигрышной для себя линии сурового патриотизма. Но, помилуйте, слишком велика институциональная сила вашингтонской бюрократии и корпоративного истеблишмента, чтобы позволить лишь ради личных махинаций пары политиканов такие внешнеполитические, экономические и людские потери, на которые Америке пришлось пойти при организации вторжения в Ирак. Нет, американские неоконсерваторы подходили к делу с подлинно державным размахом. Они, по сути, предлагали Америке надолго переустроить под себя целый мир. Только это у них не получилось – подвела самонадеянность, как часто случалось в истории с обладателями сильного оружия.

Неоконсерваторы считали, что клинтоновские экивоки – лишь трата времени в противостоянии главной долгосрочной угрозе гегемонии США – экономическому росту Китая. Они также осознавали невозможность справиться с Китаем, как Рейган в восьмидесятые годы справился с конкуренцией Японии. Зависимый в военном и политическом плане Токио тогда вынуждены были принять американские правила ведения «открытой игры» на рынках, что привело к краху выстроенной на азиатском «кумовстве» японской финансовой системы и многолетней стагнации японской экономики. (Наверное, Рейган этого не хотел, но так вышло.) Пекин же оказался куда неподатливей. Конечно, Китаю приходилось накапливать гигантские долларовые запасы от практически односторонней торговли с США, тем самым поддерживая курс доллара и американское потребление. Но при этом все еще коммунистический Китай развернул инфраструктурное строительство, масштабами далеко превосходящее давние достижения Нового курса Рузвельта.

Прямая война с ядерным Китаем также исключалась. Антикоммунистическая либеральная революция пережившему свой 1989 г. Китаю, судя по всему, также не грозила. И тут случились теракты 11 сентября 2001 г. Вторжение в Афганистан создало плацдарм в самом центре Азии, притом (обратите внимание на карту) у западных рубежей Китая. Но Афганистан слишком удален и малозначителен. Война же с Ираком убивала множество зайцев. США демонстрировали миру возможности самой дорогой армии в мире и способность действовать по собственному усмотрению; при этом со всех сторон обложили вечно беспокойный Иран, получали центральное место на Ближнем Востоке, и наконец, Соединенные Штаты оккупацией Ирака фактически входили в состав ОПЕК. Не Европа и не арабы были призваны стать главной аудиторией этой демонстрации имперской мощи, а именно Китай.

Об опасности геополитического перенапряжения давно предупреждали и умнейший консервативный политолог Джон Миершаймер, и левый радикал Иммануил Валлерстайн, и либеральный историк Пол Кеннеди. О том, что будущие войны на периферии будут вестись не в пустынях и джунглях, а в городских трущобах, где высокоточное оружие бесполезно и все будет по-прежнему зависеть от пехоты, говорили и Анатолий Ливен, и Майкл Манн, и многие другие трезвомыслящие теоретики. В Пентагоне едва не все офицеры и генералы в то время посмотрели «Битву за Алжир», великий и беспощадно реалистичный фильм Джилло Понтекорво о городских партизанах в мусульманской стране (кстати, доступный на русском языке в Интернете). Но имперская идеология и сознание собственной мощи ослепляют самих пропагандистов. На закате империи такое случается нередко, как в августе 1914 г. с гордыми британцами или в 2003 г. с американскими праворадикальными авантюристами.

США скоро придется уйти из Ирака, где власть в конце концов вероятно достанется шиитскому городскому командиру Муктаде аль-Садру или кому-то вроде него. Возможно, это даже провозгласят победой идей согласия. Непосредственным победителем становится Иран, превращающийся в региональную державу. Главный же исторический выигрыш от войны в Ираке вполне может достаться Китаю, который оказался в стороне, таким образом благополучно переждав пароксизм американского экспансионизма, и при этом продолжал укреплять свои позиции в мировой экономике.

Мир после попытки империи

Сами теперь судите, что могут означать потрясения последних дней. Строившаяся со времен Пола Волкера и Рональда Рейгана финансовая пирамида наконец рухнула. Нет, это еще не крах США, и даже Уолл-Стрит еще может воспрянуть. Слишком много сил, включая таких друзей-соперников США, как Европа, Япония и даже тот же Китай, совершенно не заинтересованы в новой депрессии и уж по крайней мере в крахе доллара. Может и не получиться, но они постараются.

Американская гегемония, подорванная в сигнальном кризисе 1970-х гг., восстановилась в 1980-е гг. и добилась баснословного процветания в 1990-е, замкнув на себе финансовые потоки из обанкротившихся отраслей и развалившихся госсекторов практически всего мира. На наших глазах этот период заканчивается финансовым и геополитическим кризисом, на сей раз, видимо, уже окончательным.

Конец американского варианта глобализации открывает пока что смутные перспективы. Всегда возможен просто развал и хаос, которые будут сотрясать мир в конвульсиях еще не один год. Тогда мы увидим этнические, религиозные и расовые конфликты, далеко превосходящие распад СССР и Югославии. Упаси боже.

Но можно теперь всерьез прогнозировать и возобновление усилий по созданию альтернативного экономического порядка, основанного на политическом стимулировании промышленного роста прежде всего в странах полупериферии вроде Китая, Индии, Ирана, Бразилии – и России. В мире сегодня существуют массы обездоленных людей, которые не могут вернуться в деревню и не могут найти нормальной работы в городах.

Крах глобальных спекулятивных финансов, среди прочего, означает, что капитал теперь будет вынужден искать новые доходные ниши, которых в последние годы возникло немало по всему миру. Восстановление массового промышленного производства, начавшееся в Китае и перекидывающееся на другие страны, вполне достоверно указывает на наступление новой фазы материального роста. Вот тут капитал и будут ловить и правительства различных стран, и профсоюзы, и различные политические партии. Дайте только этим птицам высокого полета где-то приземлиться и начать вить гнезда под золотые яйца! Новые деловые и социальные компромиссы будут определяться относительной политической силой и сплоченностью сил, заинтересованных в материальном росте.

Уже несколько лет витает идея Пекинского консенсуса – в пике Вашингтонскому консенсусу глобального неолиберализма. Это, говоря начистоту, авторитарная программа патерналистской бюрократии полупериферийных зон, обеспечивающей свои властные и имущественные интересы. Однако Пекинский консенсус предполагает активное поощрение роста и занятости, выведение стран из отсталости. На фоне нынешнего положения дел это может оказаться для многих подчиненных групп приемлемой платой за сохранение недемократических порядков.

Впрочем, конец идеологии неолиберализма с ее апологетикой имущественного неравенства может вернуть мир к эгалитаристским программам 1968 г. или нашего 1989 г., но, будем надеяться, подкрепленным горьким опытом и реализмом, требовательным к деталям. У

Пекинского консенсуса может возникнуть демократическая альтернатива слева. Что и здорово – всякие монополии чреваты вырождением.

Напоследок позволю себе самый краткосрочный прогноз. Выборы президента США в ноябре приобретают существенное значение. Победа воинственного МакКейна сегодня стала менее вероятна. Американские элиты и население расколоты, причем правые ослеплены собственными неудачами, в которые они отказываются поверить. Продолжение прежнего курса еще четыре года чревато опасными потрясениями для всего мира, после которых США, скорее всего, просто замкнутся в изоляционизме.

Обама – вовсе не убежденный радикал. Это очень честолюбивый политик, наделенный незауряднейшей способностью далеко вперед просчитывать свои действия и при этом корректировать курс в зависимости от реакции на него. В ситуации опасного кризиса такие качества несомненно предпочтительнее. Но об этом будем судить после ноябрьских выборов.

Да, серьезный кризис. Серьезнее, чем думает большинство деловых аналитиков. Но и не все так ужасно. История делает поворот, открываются ранее перекрытые возможности. Миру предстоят интересные времена.

Страсти по модерну

НАЧНЕМ со слова. В английском лексиконе *modern* (от латинского *modernus*) фиксируется с 1500 года в значении «современный, не древний, возникший в наши дни». Само понятие становится возможным только в эпоху Возрождения, когда у наиболее образованных европейцев впервые возникает ощущение выхода из тьмы Средневековья.

Традиционные представления об историческом времени не отличались разнообразием во всех цивилизациях. По сути, существовало две модели – регресс и цикличность. Непривычное слово «регресс» означает, что времена уमाляются, люди с их моральными качествами и способностями уже не те, что раньше. Мир легендарной старины населяли «богатыри, не вы!», но потерян рай, миновал Золотой век, все клонится к упадку. Это типичная идея Античности и выросших из нее трех возводящих себя к Аврааму религий – иудаизма, христианства и ислама.

Цикличность времени – еще более древнее представление, восходящее к природному круговороту. За летом неизбежно наступят осень и зимнее умирание, но затем Солнце вернется на небосклон, возродится жизнь, и так будет всегда. Все предначертано, возвращается на круги своя, такова карма, закон мироздания, ибо сказано: «Что было, то станет». Пытаться изменить общество – дело пустое, а то и подавно вредное. Остается избегать новшеств, искажающих порядок вещей, и стремиться вернуться к благочестию предков. Наиболее решительным вариантом этого является вектор религиозного фундаментализма, впервые проанализированного арабским политологом Ибн Хальдуном еще в XIV в.

Модерн – понятие противоположное, связанное с осознанием прогресса. Мир движется по нарастающей вверх. Сегодня, в эпоху Нового времени, многое становится лучше и умнее, чем в старину. Вспомните фильм «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», где сценаристы вложили в уста героя Владимира Высоцкого замечательное заявление: «Мы же цивилизованные люди, в восемнадцатом веке живем!».

Новое время

Это убеждение впервые обретает массу вполне материальных доказательств примерно после 1600 г. в Европе раннего капитализма. Конечно, и раньше вводились инновации. Китайцы сотни лет назад изобрели компас, порох, бумагу и бумажные деньги. Арабы разработали химию как науку, заимствовали у индийцев и затем передали европейцам современные цифры, включая важнейший ноль (вообразите-ка даже не алгебраическое уравнение, а банковский счет в виде римских цифр).

Сами средневековые европейцы изобрели массу такого, что римлянам, избалованным рабским трудом, в голову не пришло. Например, подъемный кран и ручную тачку с колесом, при помощи которых возводились готические соборы и замки. Варварам удалось прочно посадить на коня закованного в сталь рыцаря (римляне ведь не знали стремян, а низкосортное античное железо было негодно для изготовления кольчуг). Средневековые европейцы придумали солить рыбу (а сколько ее потребляли регулярно постившиеся христиане!) в дубовой бочке, которая куда удобнее и транспортабельнее амфоры.

Но до наступления Нового времени инновации носили эпизодический характер. Теперь же инновации пошли лавиной, которую не мог остановить никакой верховный авторитет. Ватикан по-своему совершенно логично осудил Галилео Галилея и подверг сожжению Джордано Бруно. Если наша Земля не находится в центре мироздания, если планетарных миров множество, то чем оправдано единство иерархии, на вершине которой находятся Император и Папа? Только у телескопа Галилея вскоре нашлись массовые и весьма грозные применения. Подзорными трубами первыми снабдили своих флотских и полевых артиллеристов лютеране-шведы в

ходе Тридцатилетней войны с католиками. Игнорировать новшества теперь означало потерять власть.

Жан-Батист Кольбер, в 1665–1693 гг. занимавший пост министра финансов Франции, докладывал королю Людовику XIV, что в его флоте целая тысяча кораблей. Но у голландцев – семнадцать тысяч. Как эта кучка прижимистых торговцев-кальвинистов на своем болоте, лишенном лесов, да и вообще всяких ресурсов, смогла отстроить подобную океанскую армаду и захватить мировую торговлю?

Царь Петр I не зря ходил за этой наукой именно к голландцам. Задолго до Генри Форда соотечественники Рембрандта (кстати, едва ли не первого модерниста в живописи) поставили сборку на поток. Балтийский лес везли уже распиленным под точные размеры, с «кумпанской» (корпоративной) предоплатой через первую в мире биржу. На голландских верфях квалифицированные и весьма высокооплачиваемые работники из заготовок сноровисто собирали за пару месяцев флейт – простой корабль без излишней позолоты и завитушек, зато устойчивый, экономичный и снабженный удобными ручными механизмами, которые помогали небольшой команде управляться с парусами.

Флейт можно было использовать и в бою, но голландцы, трезво оценивая свои возможности, предпочитали другое оружие – деньги. Возможность воевать они предоставляли наемникам со всей Европы, тем же шведам, шотландцам и немцам, а сами тем временем зарабатывали капитал на фрахте планетарного размаха, от Японии до Архангельска и обеих Америк.

Первые прорывы

Кольбера же следует считать создателем модели государства догоняющего развития. Франция славилась многочисленным блистательным дворянством, презиравшим, однако, буржуазных скопидомов и зануд. Так что реформаторам королевского хозяйства оставалось подражать голландским новшествам путем создания государственных мануфактур и введения монополий. Неизбежно росли налоги, отчего гроб Кольбера на его похоронах пришлось ограждать от бунтующей толпы. Ровно так же мало кто в России станет оплакивать смерть Витте или Столыпина. Догоняющие режимы, как правило, авторитарны и тяжким бременем ложатся на массы.

Но, думаете, в передовой буржуазной Голландии или Англии налоги и пошлины были ниже? На самом деле чуть не втрое выше, чем в остальной Европе. Только собирались и расходовались они иначе. Франции или царской России приходилось обеспечивать высокие потребности весьма многочисленного дворянства. На ренты с крестьянского труда претендовали и элиты, и государство, что создавало нищету и глухое недовольство в низах общества и постоянные политические трения в верхах, обернувшиеся в итоге революциями.

Капитализм, как верно отмечал Карл Маркс (но не он один), тоже начинался с революций. Голландцы, англичане и американцы некогда пролили немало своей и чужой крови за свободу. Их восстания привели к прорывам не из-за особенностей протестантской этики, а потому, что обернулись устойчивой фракционностью на политической арене. Преодолев совместными усилиями королевский «деспотизм», все классы общества на какое-то время были объединены эйфорией победы и готовы к сотрудничеству. (Нечто подобное слишком недолго наблюдалось и в России после 1991 г.) В то же время ни государство, ни капиталистические элиты, ни простой народ (фермеры, ремесленники и прочий малый бизнес) не одержали верха друг над другом. Их коллективные силы оказались примерно равны, и в этом видится главная причина – гражданское идеологическое единение при временно возникшем балансе сил.

Единение грозило вскоре развалиться из-за классовых и фракционных противоречий. Работники, малый и крупный бизнес – объективно конкуренты на рынках труда и товаров, а государство объективно остается организацией изъятий у общества. Но слишком многим

после недавних революций хотелось мира. Перед угрозой нового витка потрясений оставалось выработать механизмы рациональной оптимизации внутренних конфликтов через правовую и парламентские системы. Примерно так, довольно материалистично, сегодня исторические социологи реконструируют возникновение первых прорывов к модерну.

Ранние капиталистические государства получали доход в основном с косвенного таможенного обложения товарных потоков. Иначе бы властям пришлось иметь дело с мощной оппозицией, подавить которую не было ни сил, ни оправдания – абсолютизм-то свергли. По той же причине расходовали полученные средства не на большую армию и элитное потребление (тут действительно играла роль протестантская этика скромности), а на субсидирование внутреннего производства, в том числе военного, плюс регулярные выплаты частным банкам, которые в ответ довольствовались умеренным процентом. Тем самым структурировалась организационно насыщенная и устойчивая деловая среда.

Поразительное дело – в такой ситуации рост пошлин и налогов обеспечивает рост государственных закупок, соответственно, растут и цены, но также капиталистические прибыли и реальные зарплаты. Приезжих в Амстердаме и Лондоне поражали дороговизна всего, включая труд местных работников, но также грамотность, зажиточность, чувство достоинства и относительное спокойствие населения. Вот что стояло за первыми спонтанными модернизациями.

Немецкий обходной маневр

А что было делать небольшой Пруссии, которая расположена вдали от торговых магистралей и почти дотла разорена Тридцатилетней войной? Много ли выжмешь из крепостных в этой «песочнице Европы», где хорошо родится разве что кормовая брюква?

Оставалось рачительно и расчетливо играть от собственной бедности, централизуя помещиков-юнкеров в офицерский корпус и муштруя из крестьян знаменитую прусскую армию. Геополитика – тоже рынок со своим специфическим товаром. Англия, у которой, как известно, «нет друзей, а есть только интересы», в XVIII веке платила ежегодную субсидию в сто тысяч фунтов, чтобы Пруссия выступала ее «мечом на Континенте».

Кто-то скажет: так то же немцы – ордунг, Вермахт, БМВ. Но с каких пор пунктуальность и порядок вошли в их кровь? Этим вопросом некогда задался социолог Норберт Элиас. Источником для реконструкции поведенческих немцев до эпохи модерна ему послужили старинные учебники хороших манер. Еще эдак в 1700-е гг. предписывается назначать встречи под часами на ратуше, не сморкаться в занавеску и, пардон, не пердеть в церкви и не писать под стол в пивной – значит, были тому причины, чтобы давать подобные рекомендации.

Кто и почему массово раскупал эти наставления, обнаруженные Элиасом во множестве изданий? Первыми были дворяне, т. е. служащие, буквально побывавшие при дворе и прошедшие школу в новой армии. Возвращаясь со службы в провинциальные городки, они ставили себя выше местных мужланов, чисто бреясь, пудря парики, нося в кармане носовые платки и часы. Дворянскому этикету вскоре начали подражать молодые бюргеры и претендующие на хорошую партию барышни – Элиас подчеркивает роль женщин среднего класса в «процессе оцивилизации».

Кстати, часы стали выдавать офицерам вместе с подзорными трубами и топографическими картами, чтобы они знали, как вывести свою роту на полевую позицию к часу «Ч». Помните, в «Войне и мире» у Толстого, как «первая колонна марширует, вторая колонна марширует»?

Модерн несомненно связан с самодисциплиной, рационализмом, умением следить за временем и средствами. Это берется не из исконного национального характера – исконно все европейцы были варвары – а воспитывается потребностями Нового времени, потребностями торговли либо регулярных войн.

Пруссак со всей их муштрой в 1806 г. разгромил Наполеон. Разбитые армии иногда хорошо учатся. Прусские реформаторы (среди них – Клаузевиц, студент Канта и генерал-майор в 38 лет, автор классического трактата «О войне») извлекли уроки из поражения. Революционных французов отличали гражданское воодушевление и техническое экспериментирование. В ответ немцы отменили сверху крепостное право и в 1810 г. основали в Берлине знаменитый Гумбольдтовский университет, где впервые в мире аттестация профессоров стала зависеть от исследовательских результатов. Также впервые в мире прусским чиновникам и офицерам отныне требовался диплом вуза.

Поколение спустя полковнику Сименсу (кстати, происходившему из семьи многолетних крестьян-арендаторов), чей брат изобрел электрический телеграф, было приказом предложено стать частным предпринимателем на государственном кредите и наладить современную связь в растущем германском государстве. Несколько лет спустя компания «Сименс АГ» уже тянет телеграфные линии на просторах Российской империи, затем закладывает основы электротехнической индустрии в далекой Японии.

Германский тип модернизации, восходящий к меркантилизму Кольбера и практике прусской армии, особо импонировал государственным реформаторам разных стран. Рецепт оказался наиболее применим в зоне мировой полупериферии, где геополитические и статусные амбиции власти либо революционной оппозиции образованных средних классов, претендующих встать вровень с передовыми державами эпохи, не находили достаточной опоры в местном капитале. Тот оказывался слишком мелким, распыленным и косным либо более склонным к элементарному экспорту сырья и импорту предметов роскоши. Таковы в разное время ситуации Швеции, Италии, Турции, Австро-Венгрии, России, Бразилии, Японии и Южной Кореи.

Германский тип модернизации – это не столько аберрация, нарушающая законы рынка, сколько активная адаптация в условиях вынужденного догоняющего развития при явной недоструктурированности рыночной среды. Хотя тут, как сказал бы фон Клаузевиц, кроется своя историческая диалектика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.